

Трансформация жизни теленгитов селения Язула

Алексей Сергеевич Обухов

(Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики:
Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20)

Аннотация. В статье представлен анализ процессов трансформации жизненного уклада и обрядовых практик жителей территориально обособленного селения Язула Улаганского района Республики Алтай. Исследование строится на основе сопоставления экспедиционных материалов 2003 и 2019 гг. За этот период произошло выраженное увеличение открытости селения внешнему миру и доступности для его жителей общего информационного поля. По результатам исследования автор приходит к выводу, что такое «открытие» обособленного локального сообщества увеличивает культурное разнообразие, которое в свою очередь создает ситуацию необходимости самоопределения отдельного человека и семей в повседневной жизни и усложняет структуру социальной идентичности, при этом порождая проблему этнокультурного и религиозного самоопределения. Всё это усиливает переживание незащищенности себя и своего локального сообщества для внешнего мира.

Ключевые слова: транзитивное общество, обособленное селение, культура теленгитов, Язула, Алтай, трансформация жизненного уклада, обрядовые практики, сакральная география.

Дата поступления статьи: 5 июля 2020 г.

Дата публикации: 25 марта 2021 г.

Для цитирования: Обухов А. С. Трансформация жизни теленгитов селения Язула // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 1. С. 157–166.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2021.22.1.013>

Изучение процессов транзитивности локального сообщества, которое постепенно становится всё более доступно и открыто внешнему миру, мы провели в обособленном селении теленгитов Язула Улаганского района Республики Алтай, сопоставив материалы экспедиций 2003 и 2019 гг. За этот период в селении произошли изменения условий жизни, связанные с открытостью внешнему миру и с доступностью общего информационного поля для каждого жителя Язулы.

Теленгиты — это древняя субэтническая группа алтайцев, проживающих вдоль рек Чулышман и Чуя в Улаганском и Кош-Агачском районах [Халемба 2006]. Говорят на диалекте алтайского языка.

В этногенетическом плане древние племена группы с морфемой «теле» сопоставляются с телеутами, теленгитами и телёсами. Есть версия, что теленгиты выделились как особая этнотерриториальная группа в исторический период, когда места их проживания находились в ситуации двоеданничества (Российской империи и Китаю). Это особое социально-экономическое положение и определило их статус отдельного этнического сообщества. При освоении русскими Алтая теленгиты уже выделялись в отдельную группу родов (сеоков) [Шерстова 2015]. По последним демографическим данным отмечается стабильность численности населения теленгитов на исторической

территории их проживания [Тюхтенева 2011].

Первый этап исследования — экспедиция летом 2003 г. (группа лица № 1553 «Лицей на Донской» под руководством А. С. Обухова и В. Л. Кляуса), по результатам которой был создан и сохраняется обширный архив аудио- и видеозаписей, публикации об экспедиции [Обухов 2004], сделаны обобщения результатов исследований [Обухов 2005; Обухов, Пивоварова 2006]. Также в архиве группы сохранились неопубликованные обобщения по экспедиции 2003 г. Вторым этапом стала экспедиция летом 2019 г. (группа школы № 1553 им. В. И. Вернадского под руководством А. С. Обухова)¹. Численность населения Язулы и в 2003, и в 2019 гг. составляет около 250 человек (колебание численности по официальным данным за этот период от 240 до 260 человек). В обеих экспедициях проходила работа с большей частью семей селения.

В качестве методов мы использовали тематические интервью с аудио-, фото- и видеофиксацией, составление реестров по записям с тегированием, качественный анализ полученных данных. Работа в экспедиции выстраивалась от общей фиксации современного состояния уклада жизни и традиционной культуры в селении к выделению отдельных исследовательских фокусировок на конкретных научных задачах. В 2019 г. работа выстраивалась в логике сопоставления, во многом отталкиваясь от материалов, зафиксированных 2003 г. На основе всего многообразия собранных в экспедициях данных мы рассмотрели метаморфозы за 16 лет по следующим аспектам: повседневный уклад жизни и социальная ситуация в селении, изменения в бытовании обрядов и сакральной географии Язулы. Отдельно исследовались темы фольклора и музыкальной культуры², социальной идентичности. Программа исследования строилась на принципе метапозиции [Обухов, Овчинникова, Ткаченко 2019].

Селение Язула расположено в Улаганском районе Республики Алтай на высоте 1500 м над уровнем моря чуть выше впадения р. Байдыш в р. Чулышман, недалеко от

границы с Республикой Тыва. Само название Язула принято переводить как *Язулу* — «раскинувшийся, ровный»; на теленгитском наречии *jas ulu* — «весенняя стоянка» [Молчанова 1979, 173]. Существует несколько точек зрения на время образования деревни. Есть версия, что дата основания — 1802 г. [Список 1928]. На административном уровне она сложилась к 1912 г. (15 семей, живших достаточно богато, — при переписи зафиксировано 109 душ мужского пола) [Из истории 2003]. В настоящее время селение Язула входит в состав Сараганского сельского поселения. Имеет школу, почтовое отделение, клуб, фельдшерско-акушерский пункт, два небольших частных магазина.

Отметим изменения условий жизни в селении, произошедшие за последние два десятилетия и сыгравшие ключевую роль в увеличении степени открытости его внешнему миру. Основные сведения зафиксированы как по объективным показателям изменений и документальным источникам, так и из общения с язупинцами.

Дорога и доступность селения. Дорогу до Язулы пробили в конце 1990-х гг., но по ней могли проходить только грузовики и уазики. В последующий период ее достроили так, чтобы по ней смогли ездить и легковые машины. Если в 2003 г. машины были только в нескольких семьях, то в 2019 г. свой транспорт есть практически во всех хозяйствах. *«Раньше добирались или по плохой и долгой дороге на тракторах, или, до 1991 г., на вертолетах, например. Снабжение кордона происходило по вертолету»,* — рассказал Альберт Петрович Кайчин, 1958 г.р. Дорога до райцентра Улаган, где есть магазины, больница и другие «блага цивилизации», стала занимать примерно четыре часа пути.

До селения изредка доезжают туристы-водники, которые начинают сплав по Чулышману от Язулы. *«Раньше туристов больше не было, может быть, сейчас чуть больше. К туристам относятся у нас нейтрально, но не хотелось бы, чтобы туристов приезжало слишком много»,* — добавил наш собеседник.

Люди, которые не имеют родственных связей с язупинцами или не являются

¹ Все полевые материалы, приведенные в статье, хранятся в архивах этих групп.

² О музыкальном фольклоре теленгитов Язулы подробнее см. в статье Ю. С. Овчинниковой в этом номере альманаха (с. 39–52).

сотрудниками Алтайского государственного заповедника, как раньше, так и сейчас не приезжают (только если на кордон заповедника в 8 км от Язулы). Исключением были приезды наших экспедиций в 2003 и 2019 гг. и нескольких исследователей-этнографов (например, В.П. Дьяконовой в конце XX в. [Дьяконова 2001]). С язупинцами также регулярно общаются С.Е. Шевченко (1972 г.р., приехал из Горловки и проживает на кордоне с 1994 г.), В.В. Труляев (1972 г.р., приехал из Санкт-Петербурга работать в Алтайский заповедник, в Язуле впервые был в 1994 г., позже женился на язупинке Диндиле (урожд. Кайчина, в Язуле постоянно проживает с 2018 г.), писатель И.Н. Кочергин, который раньше работал на кордоне и продолжает поддерживать отношение с несколькими язупинцами.

В последние годы молодые жители стали чаще уезжать в город, чтобы получить образование. Некоторые молодые люди потом остаются работать в городах, но многие возвращаются, не приспособившись к ритму и способу жизни в городе. Те, кто уехал в город, не теряют связи с Язулой и стараются регулярно навещать свою семью.

Электричество и наличие техники, работающей от электричества. Электричество появилось в Язуле в начале 2000-х гг. с установкой дизельного генератора. В 2003 г. электричество было в селении с 18 до 24 часов, а в 2019 г. электричество есть в домах с 7 часов утра до 14 часов дня и с 17 до 24 часов. В начале 2000-х гг. начали появляться телевизоры. В 2003 г. телевизоры были только в нескольких домах. В начале 2010-х телевизоры были уже в большинстве домов и семьи стали покупать приемники «Триколор ТВ». В 2019 г. телевизоры есть практически в каждом доме.

Средства связи с внешним миром и включенность во внешние информационные каналы. В 2003 г. было доступно (и то с очень большими помехами и в малом числе домов) два канала телевидения. В 2019 г. практически во всех домах есть более 10 каналов, включая телеканал «Карусель». В 2003 г. телефонной связи в Язуле не было. Ближайшая точка связи в виде рации заповедника находилась на кордоне в 8 км от селения. Стационарные телефоны в дома провели в 2010 г. В 2019 г. молодежь и дети использовали смартфоны, но

для игры и связи при выезде в райцентр, а пожилые — стационарные телефоны. В Интернет жители могут выйти через компьютер в школе или через мобильный телефон при поездке в райцентр Улаган. Мобильный Интернет изредка доступен рядом со зданием школы. Многие подростки и молодые люди, а также представители среднего поколения имеют аккаунты в социальных сетях, но говорят, что свои страницы вести сложно и поэтому они зачастую неактивны. Самые популярные системы мобильной коммуникации — WhatsApp и ВКонтакте.

Дома и аилы. Еще в начале XX в. на территории Язулы бытовали постройки типа чаранга (постройка в виде конуса, составленная из жердей и покрытая корой). С первой половины XX в. начинают строить рубленые аилы (бревенчатый сруб, на котором сооружена в виде конуса крыша, покрытая корой с отверстием для дыма сверху, внутри земляной пол). Старые чаранги с того времени вышли из обихода. Во второй половине XX в. начинают строить четырехгранные бревенчатые избы с печным отоплением при сохранении традиции строительства аила рядом с избой. В 2003 г. практически все хозяйства состояли из рубленых избы и аила традиционного типа (5- или 6-гранные, с земляным полом и очагом в центре; с крышей, покрытой корой; с открытым отверстием в крыше для дыма). В 2019 г. в Язуле насчитывается 55 аилов: из них 21 традиционный, 22 смешанного типа (крышу из новых материалов — шифера, рубероида или современного синтетического покрытия; такие аилы также имеют печку, покрытый линолеумом пол; дыру в потолке иногда застекляют или же закрывают крышкой, которую можно открыть, потянув за веревку) и 12 новых (с закрывающейся крышей, покрытой досками и рубероидом, дощатым полом; с печкой и трубой). Возникшую популярность покрытия крыши аила досками и рубероидом жители во многом аргументируют тем, что так проще, чем корой. Это «простота» появилась с возможностью завоза по проложенной дороге стройматериалов.

Аилы и в 2003, и в 2019 гг. использовались в основном как кухня и летнее жилище. Зимой же аилы становятся хранилищем продуктов и утвари. В старых аилах устойчиво сохраняется разделение

на правую (женскую) и левую (мужскую) стороны. На правой стороне находятся кухня и стол, а на левой хранятся охотничьи принадлежности, сбруя для лошади и т.п. В центре за очагом — кровать или стол. В аилах нового типа могут сохраняться некоторые элементы деления на мужскую и женскую. Кухня по-прежнему размещается справа, а слева в основном размещают кровати. По словам Рустама Альбертовича (1987 г.р.) и Байрама Альбертовича (1998 г.р.) Кайчиных, аилы строятся по-новому «из-за красоты», но в них душно и жарко, а старые аилы практичны, хотя потолок в копоти и крыша неяркая. Байрам, например, планировал строить аил старого типа, покрытый корой. Рустам же в 2018 г. поставил себе аил более нового (смешанного) типа с печкой.

Традиционная кухня. Язулинская традиционная кухня включает в основном молочные, мясные и мучные изделия. По сравнению с 2003 г. в 2019 г. в повседневное питание пришло больше покупных (завозных) продуктов. Как в 2003, так и в 2019 г. салат из свежих овощей (которые только завозятся) считается более ценным блюдом, чем повседневные местные. В целом продолжает доминировать традиционная кухня. Наиболее заметны два изменения в застолье: если в 2003 г. в семьях предлагали только алтайский чай с толканом, солью и молоком, то в 2019 г. уже был выбор — обычный черный чай (пакетированный) и алтайский чай. Если в 2003 г. алкоголя в селении практически не было, кроме араки (молочной водки), которую делали почти в каждой семье, то в 2019 г. араку делали уже не во всех семьях, многим проще стало купить алкоголь в Улагане.

Языковая ситуация в Язуле с 2003 по 2019 г. претерпела наиболее выраженное изменение. Так, в 2003 г. на русском языке можно было общаться с подростками и представителями среднего поколения, а дети и пожилые люди по-русски не говорили вообще. В 2019 г. все дети прекрасно говорят по-русски, затруднения с языком наблюдалось только у некоторых пожилых людей. Большинство жителей отмечают, что именно канал «Карусель» сильно повлиял на языковую ситуацию с детьми — они русский стали знать лучше алтайского. Жители Язулы связывают язык с алтайской идентичностью и сожалеют, что присвоение теленгитскими

детьми русского языка через мультфильмы и детские передачи, по мнению Юлии Альбертовны Темдековой (Кайчиной), 1989 г.р., может представлять «угрозу для национальности».

Культ огня. У язулинцев, как в целом у алтайцев, выражен в повседневной и обрядовой практике культ огня. Во всех семьях делается подношение огню (и в 2003, и в 2019 гг.). Перед приемом пищи приносят жертву хранителю очага: первую порцию сжигают в нем. «Кормить» огонь может только хозяин аила, гостю это запрещено. Также в аиле проводят обряды очищения можжевеловым (поджигают в новолуние на 3, 5 или 9-й день и кадят начиная с женской половины аила, переходя на мужскую). Однако в новых и аилах смешанного типа это не всегда соблюдается, но все язулинцы там, где нет очага, используют печь для «кормления» огня. В 2019 г. между семьями язулинцев зафиксирована большая вариативность в отношении обязательности и частотности исполнения обрядовых действий, связанных с очагом (по сравнению с 2003 г.).

Почитание хозяев места. И в 2003, и в 2019 гг. мы фиксировали устойчивость культа почитания хозяина (хозяйки) огня и духов аржанов, связанных с ними обрядов. Наиболее сохранены формы подношения огню (еды и напитков в очаг), духам воды и духам места. Устойчива традиция повязывания дьяломы — белой ленты определенной длины (в основном по три — духам верхнего, среднего и нижнего миров). В некоторых местах появилось больше лент по сравнению с 2003 г.

Сакральная география. Система особо значимых или достопримечательных мест в репрезентациях язулинцев за 16 лет несколько изменилась. Наибольшее значение продолжают иметь священные горы, особенно гора Джетиколь (Семь озер) (в 10 км к северо-востоку от Язулы). Считается, что на гору Джетиколь люди никогда не могли подняться: на середине пути начинался град с неба, и они не могли идти дальше. Полагают, что на вершине горы есть плот. Когда случился всемирный потоп, там сделали этот плот и спаслись. В 2003 г. говорилось однозначно, что на эту гору нельзя подниматься. При этом подростки нас водили в горы на место летнего моления, откуда открывается вид на Джетиколь.

В 2019 г. Айгуль Алексеевна Тарабашева, 1989 г.р., рассказывала, что ездили во-круг горы, там собирали траву, сушили и делали чай. В целом сегодня сохраняется почитание данной горы и записано много историй про то, что она «никого к себе не выпускает».

Наибольшую значимость и актуальность для календарной обрядности сохраняет моленное место за рекой (около 200 м от Язулы вверх на восток по р. Байдыш). В этом месте весной и осенью (когда тайга становится зеленой и когда желтой) собираются представители всех сеоков (родов) селения. Если в 2003 г. про это святое место нам говорили, описывая проводимый на нем обряд, то в 2019 г. (при фиксации активного бытования на нем артефактов проведения обряда весной 2019 г.) практически во всех семьях яззулинцы уходили от разговора об этом месте. При усилении оппозиции «свой/чужой» наблюдается большая потаенность значимого сакрального места от приезжих. При увеличении доступности селения для «внешних» людей выстраиваются более четкие правила открытости/закрытости границ, оберегающие феномены, которые определяют ядро этнической культуры.

Места, связанные с православием в селении Язула, — это фундамент церкви и крест. Крест, который стоит на месте бывшего селения Чодор, был поставлен приехавшим священником там, где когда-то был храм, потому что, как говорят в семье Кайчиных, на том месте много нечисти. «Его поставили для отгона чертей, и люди говорят, что чертей и правда стало меньше» (Зап. от А. А. Темдековой). Этот крест в 2019 г. упоминали чаще, чем в 2003-м. В 2003 г. нами не зафиксированы свидетельства о храме и остатках его фундамента, который когда-то был на территории Язулы, а в 2019 г. многие рассказывали, что на его месте стали строить дом, но он сгорел несколько лет назад и при пожаре погибли два ребенка. Ряд жителей связывает это с тем, что не надо было строить на месте храма. Трагическое событие актуализировало в памяти жителей это место.

Природные локусы, которые обычно сакрализуются в алтайской культуре, — это места перехода (переправы, перевалы), источники, пещеры и большие камни. На перевале по дороге в Улаган находится *обоо* — насыпь, сложенная людьми из

камней, взятых в начале подъема. Рядом на деревья вешают *дьяломы*. Особое отношение и система действий на перевале неизменные. Теленгиты, проезжая перевалы, в машине отключают музыку; днем обязательно останавливаются, независимо от погоды; а ночью проезжают без остановки. «*Нельзя шуметь, чтобы не потревожить духов, обитающих в этом месте*» (Зап. от А. А. Темдековой). Русана Игнатъевна Карабашева, 2000 г.р., сообщила, что о перевалах также говорят: «*Там есть Алтай, чего не надо трогать. Ну, я так говорю, ну, Алтай*»; «*Лежат камни горкой: когда идут, собирают камни и на горе кладут. Ночью не надо через перевал, днем можно, но зависит от луны*». Наиболее «завешенное» место с дьяломой — при переправе через Дайдыш в сторону кордона и моленного места. Число белых лент на данном месте в разы увеличилось в 2019 г. по сравнению с 2003-м.

Аржаны (священные источники) в Язуле есть на северной окраине селения и в 3–4 км от Язулы. «*Есть аржан, помогающий со взглядом*» (Зап. от Р. И. Карабашевой); «*Родники помогают каждый от чего-то своего. Родникам подносят монеты/пуговицы. Там также завязывают ленточки. Если ты едешь конкретно для излечения от болезни, то нужно оставаться там минимум на три дня. Делаешь там обряды, привозишь еду. На родниках нельзя шуметь и рвать траву*» (Зап. от А. А. Темдековой). На аржане у окраины Язулы появилось больше белых лент в 2019 г. в сравнении с 2003-м.

Пещеры *кёрмёсов*, или *алмыс* (духов среднего мира), у Чулышмана — два вымытых в скале углубления, в которых находят «игрушки алмыс» (*алмыс-таи*). Считается, что их нельзя трогать и особенно брать с собой, иначе алмыс будет приходить с попытками забрать игрушку обратно. В 2003 г. для большинства детей и подростков эти пещеры и алмыс-таш имели выраженную сакрализацию. В 2019 г. про них рассказывали, скорее, как про интересные места, в том числе места для игр.

Недалеко от селения вверх по Чулышману есть огромный валун, который называют «камень Толбанова». По преданию, им защищался батыр Толбанов от медведей. В 2003 г. к этому камню нас отдельно водили подростки. В 2019 г. про него подростки даже не знали.

Кладбища. В Язуле есть три кладбища. Раньше считалось, что на могилы ходить нельзя, сегодня молодые иногда ходят на кладбища. Алтайцы верили: «Если крест упадет, нельзя заново ставить, менять что-либо. Хорошо, если вообще забудут, где эта могила. Когда были некрещеные — ставили столбы, выцарапывали на них имена. Раньше могилы загораживали бревнами, теперь ограды делают» (Зап. от Светланы Сергеевны Темдековой (Акулова), 1962 г.р., с. Верх-Черга). Отношение к кладбищам, нежелательность их посещения была зафиксирована и в 2003, и в 2019 гг., но сейчас запреты и ограничения стали выражено мягче.

Особая ситуация складывается вокруг кладбища шаманов (*кам-деби*), которое находится на северо-западе от Язулы на высоком выступе в каньоне реки. В 2003 г. даже самые «лихие» подростки боялись подходить близко и смотреть в его сторону. В 2019 г. мы обнаружили, что наземные захоронения камов разорены, сожжены, а, по словам жителей Язулы, кто-то из ребят даже принес череп и какие-то железные вещи с костюма кама домой. Другой вариант рассказа: человек, который взял там узду и чайник, — это «обрусевший» алтаец, а «свои» так не делают, боятся. Кам приходил к этому человеку наяву. А на горе, где кам похоронен, до сих пор можно услышать бубен.

Обряды жизненного цикла. Выявлена устойчивость обрядового сопровождения жизненного пути человека, а также сохранность повседневных регулятивов, определяющих поведение человека в пространстве и времени, во взаимодействии с огнем, водой, хозяевами мест. Эти аспекты нами детально описаны ранее [Обухов 2005, 210–256]. При этом наблюдается повышение вариативности в отношении обязательности исполнения обрядовых действий. Многие молодые люди отмечают, что им старики рассказывали, но они не слушали — теперь жалеют, но спросить не у кого, что и как следует делать. При такой общей самооценке в отношении ряда традиций многие значимые обряды остаются устойчивыми в исполнении для большинства жителей Язулы. Наиболее выражена сохранность алтайских традиций, связанных с празднованием свадьбы. Сравнивая современные данные с результатами экспедиции 2003 г., существенных изменений

в свадебной обрядности мы не выявили. Также выражено сохранна похоронно-поминальная обрядность. Большую вариативность приобретают обряды, связанные с рождением и взрослением детей.

У теленгитов осталась традиция перерезания пуповины (*киндык*) и ряд обрядов, с этим связанных. Отрезанную пуповину зашивают в специальных мешочках: «У девушки мешочек из кожи и формы круглой, а у мужчины квадрат, перевернутый. Украшается бусинами и синей ленточкой, да и над колыбелькой подвешивается. Наши соседи зашили в ворот рубашки, по мне это глупо» (Зап. от Любови Александровны Тендековой, 1985 г.р.). Раньше такие мешочки выполняли функцию оберега, их пришивали на спину тулупчика, который носили дети [Дьяконова 2001]. В 2003 г. такого мы уже не застали и фиксировали *киндык* либо подвешенными над люлькой, либо где-то спрятанными. В 2019 г. их стали чаще вешать на стену, в том числе в специально оформленную — украшенную ткань особой формы (панно), на котором размещают *киндык* всех детей семьи.

По сравнению с 2003 г. в последнее время детей стали чаще крестить. В селение время от времени приезжает священник и крестит детей. При крещении ребенку дают русское имя, которое используется наряду с алтайским, данным при рождении. На алтайском зовут близкие люди, а на русском — незнакомые. Однако некоторые даже не помнят своего имени по крещению (например, Байрам Альбертович Кайчин, 1998 г.р., отмечает, что, скорее всего, это русское имя на ту же букву, что и алтайское). «У нас два имени: одно алтайское и другое русское» (Зап. от Агнессы Мергеновны (Игоревны) Темдековой, 2006 г.р.). В 2003 г. мы чаще фиксировали то, что у детей могут быть два алтайских имени: второе («ложное») — для отпугивания духов.

Обязателен для всех язулинцев обряд первой стрижки. Когда ребенку исполняется год, дядя с материнской стороны отрезает волосы с его лба, с правого и левого виска, обертывает их в белую ткань и прячет у себя дома в сундучок или под пол. Обряд устойчиво сохранен, но выявлена его вариативность, связанная с совершеннолетием, которое предполагал «выкуп» волос у дяди. Подросший ребенок (ранее

в 12 лет, что считалось возрастом совершеннолетия, а сейчас — когда определяют родители: в 12, 14, 16 и 18 лет) приходит к дяде и делает ему подарки (еда и молочная водка). В ответ дядя отдает волосы, а также дарит мальчику лошадь с седлом, а девочке — корову. «Конечно, у меня есть лошадь, а моей сестре сразу подарил корову» (Зап. от Айсына Темдекова, 2009 г.р.). В 2019 г. мы зафиксировали случаи, когда уже взрослый мужчина еще не забрал свои волосы у дяди. Наблюдается повышение вариативности исполнения обряда, связанного с совершеннолетием — как по срокам проведения, так и по обязательности.

С совершеннолетием для мальчиков также связана первая охота. В 2003 г. мы записали, что если на первой охоте парень убивает зверя не с когтями, то он будет не очень хорошим охотником. Рассказывал нам это взрослый человек о себе: на первой охоте он убил косулю. Значимость первой охоты для совершеннолетия мальчика в 2019 г. стала варьироваться от семьи к семье.

Верования детей. В сознании детей якулинские легенды и поверья активно меняются: появляются новые, некоторые приобретают несколько новый смысл или вообще утрачиваются. В 2003 г. большая часть подростков (с детьми мы фактически не общались из-за языкового барьера) были полностью вовлечены в традиционную систему верований, почитание духов (например, страх кёрмёсов) и др. Тогда нами были зафиксированы характерные сюжеты для школьного фольклора у детей на алтайском языке про духа быка в спортивном зале и т.п. В 2019 г. дети, с которыми мы общались, чаще объясняли свои действия тем, что так делают взрослые, поэтому они поступают так же, не апеллируя к духам, богам и др. В рассказах детей и подростков появилось значительно больше персонажей и сюжетов из русской традиции (Баба Яга) или массовой культуры (зомби). Для некоторых подростков к 2019 г. ряд элементов сакральной географии перестал иметь безусловное табуирование.

ОБЩИЙ АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ

Метаморфозы жизненного уклада. Прокладывание дороги из районного центра нелинейным и неоднозначным образом меняет ситуацию открытости/

изолированности обособленного селения: в бытовую часть жизни привносится множество заимствований, при этом ряд сфер (обрядовая жизнь, сакральные места) становится более оберегаемым. Повышение доступности и вариативности связей локальной общности с внешним миром в одних аспектах жизни усиливает процессы трансформации через открытость к новизне, а в других дает эффект «капсулирования» [Мухина 2002], усиливает потаенность значимых элементов культуры для внешних людей. Тем самым актуализируются и более четко обозначаются границы между «своими» и «чужими».

В результате появления дороги семьи обзаводятся личным транспортом. Для местных жителей это увеличивает доступность целого ряда материалов, которые проще купить, чем сделать самим. Меняется технология строительства айлов и обустройства хозяйства, появляются товары, замещающие ряд традиционных промыслов. Люди начинают взвешивать, что им проще — потратить время и силы или решить бытовые вопросы с помощью денег. В результате оказывается, что при наличии даже небольших средств в виде пенсии или зарплаты в большинстве случаев происходит выбор в пользу покупки вещи, а не ее изготовления. Это приводит к утрате широкого спектра традиционных элементов жизнеобеспечения и промыслов.

При изменении обиходной части жизни (строение жилища, бытовая техника, средства передвижения и др.) идет ориентировка на более современное, модное, городское, что не всегда является более функциональным. В этих условиях возникает ситуация выбора (например, какой тип айла строить), который происходит не по шкале «старшие — младшие» («традиция — инновация»), а в зависимости от индивидуальных приоритетов конкретного человека («что мне удобнее»). Наблюдается не только замещение старых форм новыми, но и увеличение разнообразия вариантов организации жизненного пространства и хозяйствования. У жителей появляется возможность выбора и как следствие необходимость осознанного самоопределения, а не только следование традиции или моде.

Трансформация обрядовых практик. Высокую стабильность обнаруживают

свадебная и похоронно-поминальная обрядность. Более вариативная и трансформирующаяся часть обиходной веры теленгитов связана с обрядовым сопровождением детства и процессами взросления. Так, киндык из сакрального, утаенного от внешних глаз предмета, выполняющего функцию оберега, переводится в разряд секулярной, социально значимой и предъявляемой семейной картины. Эти процессы сопряжены с трансформациями представлений о мире и о себе: контроль за детьми берется в свои руки в тех сферах жизнедеятельности, которые раньше рассматривались как находящиеся «под прищелком» духов и природных сил.

Максимальная изменчивость произошла в сфере культурных практик взрослых для детей и субкультуре детского сообщества. Внутрисемейная культура взрослых для детей замещается на культуру, заимствованную (транслируемую по телевидению). Поскольку дети много играют и общаются друг с другом в селении, они проводят меньше времени на улице. Культура детства транслируется в локальном сообществе, однако ее содержание начинает активно пополняться новым медийным контентом. Традиционные мифологические персонажи и сюжеты смешиваются (через дополнение, вытеснение, замещение) с героями и мотивами из мультфильмов.

Привнесение нового информационного контента, который ориентирован на детей в сенситивный период их языкового развития, существенно трансформирует языковую ситуацию в селении за относительно короткое время. Это, в свою очередь, модернизирует всю социальную и культурную жизнь локального сообщества в целом, изменяет межпоколенческую коммуникацию и жизненные траектории подрастающего поколения.

Сакральная география в представлениях жителей Язулы по сравнению с материалами 2003 г. при выраженной устойчивости несколько изменилась. Изменения во многом связаны с открытостью/закрытостью жителей для внешних людей; выходом из актуальной памяти не столь значимых мест для младших поколений (десакрализация ряда отдаленных мест или забывание ряда исторических); актуализацией мест из-за недавних событий (пожар дома).

Отношение к исследователям. Наблюдается повышение уровня тревожности местных жителей к внешнему взгляду на них и на селение в целом. Это находит выражение в напряжении при любой видео- и фотосъемке в 2019 г., чего не наблюдалось в 2003 г. У многих жителей выражен страх возможности «попадания» в Интернет и «что весь мир на нас будет пристально смотреть и обсуждать». Этот страх и напряжение по поводу съемки подкреплены случаем, когда местное телевидение сделало репортаж из Язулы с комментарием о «диких людях» и «ужасных условиях» жизни. Стратегия «парадного портрета», наблюдаемая авторами еще в 2003 г., сегодня усилилась в разы. При этом содержание и сущность «парадного портрета» у местных жителей на сегодняшний день еще не сформированы. Владение русским языком и регулярный опыт общения при выезде из селения создали большие возможности для коммуникации с «внешними» людьми. Однако это повысило тревожность местных жителей в отношении последствий такого взаимодействия, особенно на территории своего селения. Обострился вопрос о репрезентации себя, своей культуры внешнему миру, но не повысилась самоуверенность, отношение к своей культуре как «правильной» в ее самобытности. Повседневное сопоставление себя с другими (через телевидение или через непосредственную коммуникацию с приезжими) на данный момент не добавляет уверенности в себе. Наш интерес как внешних исследователей к аутентичной части культуры селения Язула вызывает к нам уважение и располагает жителей к общению, но страх перед тем, что зафиксированное нами будет как-то не так воспринято и оценено внешним миром, дает отстраненность и напряжение в общении при какой-либо фиксации (фото, видео, аудио).

ВЫВОДЫ

По результатам изучения ситуации транзитивности уклада жизни и обрядовых практик в локальном сообществе мы можем сделать следующие выводы (экстраполяция которых требует дальнейших сопоставительных исследований):

- 1) увеличение доступности и открытости обособленного селения внешнему

миру вызывает разнонаправленные процессы в жизни сельского сообщества: принятие нового и увеличение культурной вариативности в повседневном укладе жизни; усиление значимости, и закрытости для внешнего мира сакральной составляющей культуры, выступающей ядром этнокультурного мировоззрения; стабильная преемственность ключевых обрядов перехода (свадебного и похоронного) при расширении вариативности обрядового сопровождения детства и взросления;

2) доступность внешних информационных каналов (телевидения), в том числе адресованных детям, резко изменяет языковую ситуацию с моноязыковой на билингвальную и существенно трансформирует социальную ситуацию развития, а также содержание культуры детского сообщества, повышает социальную мобильность молодых людей;

3) переход от замкнутого существования обособленного локального сообщества к относительной открытости внешнему миру усиливает оппозицию «мы — они», делает более выраженными границы между ними; актуализирует осознанность и тревожность в отношении репрезентаций образа себя и своего селения другим людям (особенно в сети Интернет), обостряет значимость образа «парадного портрета» себя и своей жизни на фото и видео;

4) увеличение культурного разнообразия, особенно в обиходной культуре, создает ситуацию необходимости самоопределения отдельного человека и семей в повседневной жизни и усложняет структуру социальной идентичности, при этом порождая проблему этнокультурного и религиозного самоопределения; все это усиливает переживание незащищенности себя и своего локального сообщества для внешнего мира.

Источники и материалы

Из истории 2003 — Из истории села Язулы Улаганского района. (Рукописная краеведческая заметка из архивного материал Язулинской сельской школы). Переписана в 2003 г.

Список 1928 — Список населенных мест Сибирского края. Вып. X. Ойратская область. Новосибирск: Сов. Сибирь, 1928.

Исследования

Дьяконова 2001 — Дьяконова В. П. Алтайцы: Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая. Горно-Алтайск: Юч-Сумер, 2001.

Молчанова 1979 — Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во: Горно-Алтайское отд-ние, 1979.

Мухина 2002 — Мухина В. С. Личность в условиях этнического возрождения и столкновения цивилизаций: XXI век // Развитие личности. 2002. № 1. С. 16–39.

Обухов 2004 — Обухов А. С. Экспедиция «на край света» // Народное образование. 2004. № 3. С. 175–184.

Обухов 2005 — Обухов А. С. Психология личности в контексте реалий традиционной культуры. М.: Прометей, 2005.

Обухов, Пивоварова 2006 — Обухов А. С., Пивоварова Е. П. Обрядовое сопровождение личности теленгитов Горного Алтая // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 5. С. 161–168.

Обухов, Овчинникова, Ткаченко 2019 — Обухов А. С., Овчинникова Ю. С., Ткаченко Н. В. Человек в контексте традиционной культуры: метапозиция и диалог между исследователями разных наук // Обсерватория культуры. 2019. № 4. С. 349–361.

Тюхтенева 2011 — Тюхтенева С. П. Теленгиты Республики Алтай. Между двумя переписями населения // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 43–45.

Халемба 2006 — Халемба А. Теленгиты // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. С. 512–532.

Шерстова 2015 — Шерстова Л. И. Алтайские теленгиты в контексте центрально-азиатской истории // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Матер. XII Междунар. науч. конф. Томск: Нац. иссл. Томс. гос. ун-т, 2015. С. 193–199.

© А. С. Обухов, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Обухов А. С. <https://orcid.org/0000-0001-7215-3901>

Кандидат психологических наук, доцент, ведущий эксперт Центра общего и дополнительного образования им. А. А. Пинского Института образования Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики: Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; тел.: +7 (495) 772-95-90; e-mail: ao@redu.ru

The Transformation of the Life of the Yazula Village Telengits

Alexy S. Obukhov

(National Research University — Higher School of Economics:
20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation)

Summary. This article analyzes the transformation of the way of life and ritual practices of the residents of the geographically isolated village of Yazula in the Ulagan District of the Altai Republic. It is based on a comparison of expedition materials from 2003 and 2019. During this period there was a marked increase in the openness of the village to the outside world and in its residents' access to sources of information. The article considers how this new openness of an isolated local community increased its cultural diversity in everyday life, which created a need for greater self-determination on the part of individuals and families at the behavioral level. This complicated the structure of social identity, including ethno-cultural and religious identity, and increased the individual villagers' and the community's sense of vulnerability in regard to the outside world.

Key words: transitive society, isolated village, Telengit culture, Yazula, Altai, transformation of the way of life, ritual practices, sacred geography.

Received: July 5, 2020.

Date of publication: March 25, 2021.

For citation: Obukhov A. S. The Transformation of the Life of the Yazula Village Telengits. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 1. Pp. 157–166. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.1.013>

References

Dyakonova V.P. (2001) *Altaitsy: Materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaya* [The Altaians: Materials on Ethnography of the Telengits of Gorno-Altai]. Gorno-Altai: Yuch-Sumer. In Russian.

Khalemba A. (2006) *Telengity* [The Telengits]. In: *Tyurkskie narody Sibiri* [The Turkic Peoples of Siberia]. Moscow: Nauka. Pp. 512–532. In Russian.

Molchanova O.T. (1979) *Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaya* [Toponymic Dictionary of Gorno-Altai]. Gorno-Altai: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo. Gorno-Altai: Altaiskoe otdelenie. In Russian.

Mukhina V.S. (2002) *Lichnost' v usloviyakh etnicheskogo vozrozhdeniya i stolknoveniya tsivilizatsii: XXI vek* [Personality in Conditions of Ethnic Renaissance and the Clash of Civilizations: The 21st Century]. *Razvitie lichnosti* [The Development of Personality]. 2002. No. 1. Pp. 16–39. In Russian.

Obukhov A.S. (2004) *Ekspeditsiya "na kraia sveta"* [Expedition "to the Ends of the Earth"]. *Narodnoe obrazovanie* [Popular Education]. 2004. No. 3. Pp. 175–184. In Russian.

Obukhov A.S. (2005) *Psikhologiya lichnosti v kontekste realii traditsionnoi kul'tury* [Psychology

of the Personality in the Context of the Realities of Traditional Culture]. Moscow: Prometei. In Russian.

Obukhov A.S., Pivovarova E.P. (2006) *Obryadovoe soprovozhdenie lichnosti telengitov Gornogo Altaya* [Ritual Support of the Personality Among the Telengits of Gorno-Altai]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal]. 2006. No. 5. Pp. 161–168. In Russian.

Sherstova L.I. (2015) *Altaiskie telengity v kontekste tsentral'no-aziatskoi istorii* [The Altaian Telengits in the Context of the History of Central Asia]. In: *Prirodnye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoi Mongolii i sopedel'nykh regionov* [Environment, History and Culture of Western Mongolia and Contiguous Territories]: Proc. of the XII Intern. Schol. Conf. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 193–199. In Russian.

Tyukhteneva S.P. (2011) *Telengity Respubliki Altai. Mezhdru dvumya perepisyami naseleniya* [The Telengits of the Altai Republic: Between Two Population Censuses]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The Humanities in Siberia]. 2011. No. 3. Pp. 43–45. In Russian.

© A. S. Obukhov, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Alexy S. Obukhov <https://orcid.org/0000-0001-7215-3901>

E-mail: ao@redu.ru

Tel.: +7 (495) 772-95-90

20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

PhD in Psychology, Senior Researcher, Institute of Education, National Research University — Higher School of Economics



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)